

Предисловие

Я не хотел писать предисловие, чуть раскрывая сюжет, но выложенная в открытый доступ часть текста вызвала так много споров, что я все же вынужден предварить книгу этим коротким текстом.

Действие в романе происходит через пятнадцать лет после ядерной войны. Не тотальной войны, стороны не выпустили друг в друга весь арсенал, но все же того, что вылетело, хватило для почти полного разрушения инфраструктуры и, как следствие, нанесения чудовищных потерь. Однако в этой книге не будет ни навечно зараженной земли, ни двухголовых мутантов и «чудовищ ядерных пустошей», а также злодеев в шипах и коже в стиле «Безумного Макса» или игры «Фоллаут». Почему? Да просто потому, что хоть эта книга и фантастика, но все же не настолько.

Наиболее наглядным примером местности после ядерных ударов является полигон на Новой Земле, где было произведено за довольно короткий отрезок времени множество ядерных взрывов, включая наземные и огромной мощности. В результате зоны долгосрочного заражения местности изотопами с длительным периодом полураспада заняли не больше шести квадратных километров, в районе четырех наземных взрывов. На всей остальной территории

полигона даже в разгар периода испытаний радиационный фон был в рамках допустимого. Шлейф растянулся на тысячи километров, но в результате этого концентрация радиоактивных осадков была настолько низка, что в местах их выпадения фон также не превысил допустимый.

Чернобыль? Чернобыль выбросил в тысячи раз больше радиоактивного дерьма, чем любой ядерный взрыв. При взрыве используется куда меньше материала, и он банально сгорает. Во время же аварии на АЭС по факту «сорвало крышку с кастрюли» и механически разбросало содержимое. То есть моделью ядерной войны чернобыльская зона или та же Фукусима никак служить не может, они модели аварии на реакторе и ничего больше.

Зато она начисто опровергает другой миф — о мутантах. На территории зоны живут самые обычные животные, и вообще, в силу закрытости, там полный расцвет флоры и фауны. Мутации в подавляющем большинстве случаев ведут к смерти мутанта, это уродство, а не усовершенствование. Те самые первые безглазые рыбы в Припяти вымерли еще в первый год, больше их никто не видел.

Вечная ядерная зима? Тоже не получается. Накопление углекислоты и выбросы сажи приведут к потеплению после не слишком долгого холодного периода. Климат станет более влажным, немного теплей, чем раньше, вот и все. Так что постъядерный мир будет просто миром разрушенным, не более. Остальные подробности в тексте.

В кузове трясло, громыхали дощатые борта, мелкий дождь барабанил по брезентовому протекающему тенту. От мешков с картошкой, лежавших навалом впереди, пахло землей и сыростью. Дорога долгая, ехали уже пятый час, поэтому тянуло в сон, но уснуть тоже не получится из-за болтанки. Да и не стоит спать, потому что со мной в кузове еще четверо попутчиков, и никого из них я не знаю. Поосторожней лучше быть. Метрах в двадцати за нами еще машина, «зиллок» с голубой кабиной и когда-то белой, но теперь грязной и покрытой пятнами ржавчины решеткой. Время от времени было слышно, как вздыхают его пневматические тормоза. За нами оставалась полоса разбитого шоссе, сейчас больше состоящая из ям и колдобин, чем из остатков асфальта. За «зилком» еще машина, такой же «газон», как и у нас, с кабиной, грубо выкрашенной кистью в серый цвет, и треснутым лобовым стеклом.

— Слышь, друг, курить не дашь? — в очередной уже раз просил меня сосед, худосочный мужик лет под сорок, одетый в брезентовую штормовку поверх свитера.

Он то у меня стрельнет, то у других, так и едет. Правда, сам яблоками всех угостил. Хорошими ябло-

ками, зелеными и кисловатыми, какие как раз и люблю. Я вытащил из кармана куртки штампованный портсигар, протянул ему, откинув крышку. Тот худыми пальцами выудил оттуда папиросу, смял мундштук, щелкнул бензиновой зажигалкой с крышкой.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Тут машину тряхнуло особенно сильно, так что я портсигар чуть не выронил. Пожалуй что и сам закурю. Сколько еще ехать? Я глянул на часы, прикинул — не меньше часа еще, но большая часть пути позади. «Стрелок», увидев, что я сам курить собрался, щелкнул зажигалкой, поднес огня, прикрыв его ладонью с татуировкой. Якорь у него там, может, даже служил на флоте до Этого Самого.

— Откуда ты сам? — спросил «матрос».

— Издалека, — не стал я излагать подробности. — Сам местный?

— Почти. Пять лет в Торжке.

— Чем занимаешься?

— Механик я. И всякое, — он неопределенно махнул рукой с папиросой. — Починить, поделатъ.

— А что из дома носило?

— Да так, закупились всяким. Наша машина впереди идет, тут просто сидеть удобней, на картошке-то, — он постучал по мешку, на который опирался. — Доедем уже скоро, вон на Золотиху поворот был уже. А к нам по делу?

— Да вроде бы. — Я затянулся, выпустил дым. — Остановиться-то есть где у вас?

— Гостиница есть. Можно комнату снять. Соседка у меня сдает, бывает. Знаешь город?

— Нет, откуда? Я в первый раз.

— На Белинского это, почти центр, считай. Надолго?

— Сам не знаю, как получится. Может, и надолго.

— Занимаешься чем по жизни?

— В охране работал, — приврал я на всякий случай. — Теперь все, больше не работаю.

— Новое место ищешь или что?

— Почти что. Там видно будет.

— У меня зять в охране обозов работал, — вступила в разговор грузная тетка, сидевшая у противоположного борта. — Убили три года назад. Тут как раз, у Лихославля.

Сидевший рядом с ней мелкий мужичок с заросшей длинной щетиной физиономией кивнул, не сказав ни слова. Точно муж с женой.

— Бандитов у вас много тут?

— Да кто их знает? Бандитствуют. Всякой сволочи хватает.

— Но в городе тихо, — добавил «матрос». — И рядом. Нормально у нас.

Разговор как-то сам по себе увял. Всех уже растрясло, все устали от долгой дороги. Колонна продолжала вилять между ям, расплескивая грязную воду из-под колес, громыхали борта кузовов. Серое небо, серый дождь, зеленый лиственный лес по сторонам дороги.

Папироса докурилась до мундштука, я выбросил ее за борт, в грязь. Как ни ворочаюсь на сложенной плащ-палатке, а все равно задницу отсидел давно. И так сядешь, и эдак, и ногу под себя подложишь, но доски и есть доски, мягкости в них никакой. И это если бы я так первый день ехал, а ведь уже неделю мыкаюсь. Доедешь докуда-то, а там очередного обоза или попутки ждешь. Но просто попутки случайных

людей брать не любят. И в кузовах ехал, и на телегах, и даже раз под дождем на прицепе-платформе катил. И вот доехал вроде бы. Почти.

Оперся на левую руку, меняя положение, в плечо отдало болью. Новая напасть, в последний год началась. Болит плечо, несильно, но тупо и постоянно, немеет сама рука. Назад ее завести уже не получается, даже чтобы себе спину почесать. Спрашивал у врача, что это такое, тот плечами пожал, сунул какую-то мазь. Даже не знаю, действует мазь или нет, да и заканчивается уже. Пробую разминать каждый день, но опять не знаю, помогает или нет. Старею. Была бы жизнь получше, может, и старел бы не так быстро, но «лучше» уже нет. Не про нас это самое «лучше». С Этого Самого осталось только «похуже» и «совсем никуда».

Лес сменился ржаными полями, навстречу прошла пара грузовиков, а потом, переваливаясь по кочкам, прокатил обшарпанный «Москвич». Ближе к Торжку уже, похоже. Пару деревень проехали, пустых и разоренных. Почти не живут люди в деревнях теперь, к городам жмутся, безопасней в них. Разве совсем в глуши, где и городов близко нет и куда всякой сволочи специально забираться лень. Мы вот тоже городком жили, а вокруг пустота, леса да поля.

Слышно было, как машина во главе колонны забибикала. Увидел кого или подъехали? Из-под тента ни черта не видно вперед, так и разглядываю морду идущего следом «ЗИЛа». Подъехали, похоже, скорость скинули, машины сзади почти вплотную подтянулись. Шофер «зилка», молодой парень в серой спецовке, перехватив мой взгляд, большой палец по-

казал. Ну да, ему радость, работа опасная, а теперь он на месте и отдых впереди.

Вот наш «газон» чуть трягнуло, проехали блок, затем справа показались кирпичные пятиэтажки нежилого вида, разве что на крыше одной разглядел мешки с землей и наблюдателей под навесом. Тут нас остановили, в голове колонны послышались голоса, а затем кто-то загорланил в мегафон, обращаясь уже ко всем, да так, что ни слова не понятно. Но «матрос» сказал:

— Проверка сейчас будет. От автомата, если есть, магазин отстегнуть и патрон из ствола, только так в городе и носить. Если пистолет есть, то тоже разряди.

Сам он сноровисто откинул щелкнувший пружинной магазин своего «СКС», высыпал патроны в ладонь, выбросил тот, что в стволе, а потом, выгачив из кармана обойму, взялся этими патронами ее заполнять. Ну что, у нас такие же правила, так что и удивляться нечему. Я отстегнул от автомата магазин, выбросил патрон из патронника, убрал все в подсумок. Полез под куртку, выгачил из оперативки «ТТ», разрядил. А потом из внутреннего кармана достал документы, завернутые в потрепанный полиэтиленовый пакет, приготовил к проверке.

Минут через десять проверка подошла к нашему «газончику». По званиям и не поймешь кто, все в караульных плащах от дождя, какой-то командир — мужик средних лет с усами щеткой, с ним двое бойцов с автоматами, помоложе оба. Заглянули в кузов, потом старший сказал:

— Сначала местные, потом приезжие. Документы готовим, пожалуйста.

Кроме меня все местными оказались, «матрос» так еще и поздоровался со старшим патруля. Их проверили быстро, потом до меня очередь дошла. Усатый взял паспорт, покрутил в руках зачем-то, затем открыл.

— Бережных Сергей Павлович... Грязовец... Вологодской области. Издалека к нам, — он даже хмыкнул удивленно. — С какой целью?

— Транзит скорее. Дальше попутки искать буду.

Раз я проездом, то и любопытства немного. А я пока и сам не знаю. Усатый вернул мне паспорт, затем сказал:

— Оружие есть? В городской черте носить без магазина и патрона в стволе.

— Просветили уже, спасибо.

— Да на здоровье. На КПП еще запишитесь и дозиметристов пройдите. Лучше сейчас вперед идите, как раз успеете, куда машины проверяют. Все, пошли дальше, — скомандовал он своим.

Везде одно и то же, так что даже подсказывать не нужно. «Матрос», видя, что я собираюсь лезть за рюкзаком, сказал, сидя на краю борта:

— Тут оставь, никто уже не сопрет. После КПП снова приглядывай. — Он усмехнулся. — Там опять подсядешь.

По-быстрому мой мешок обшарить любой запросто сможет, но, сам не знаю почему, сделал, как он сказал, махнул рукой, да и пошел вперед, к железным воротам, встроенным в стену ежей, и пристройке к ним из серого силикатного кирпича.

Прошел всю колонну, пять грузовиков, «Ниву», «уазик» и старенький БТР-40 охраны, возле которого курили и разминали ноги трое солдат.

У дверей собралась небольшая очередь из таких же приезжих — как я. Четверо, если точно, три мужика, явно одна компания, и довольно молодая, лет тридцати, женщина, худая, с короткой стрижкой и глубоким шрамом справа, рассекающим скулу сверху вниз, а на половине лица почти уже стершиеся следы старого ожога. Почему-то подумалось, что это *тогда* ее. Сколько ей *тогда* было? Лет пятнадцать?

Никто не разговаривал, двое курили, встав под грибок. В дверь, открывая ее изнутри, запускали по одному, только сначала боец проверял каждого на «свечение». Но дураки давно вымерли, а люди научились не лезть, куда не надо, так что все были в норме.

В будке КПП тоже все как обычно. Какая-то женщина в платке и ватнике взяла у меня паспорт, переписала данные в амбарную книгу, потом выписала временный пропуск.

— На выезде сдать надо, — пояснила она. — На неделю он, потом в комендатуру, если задержитесь.

— Понял, спасибо.

Я убрал квиточек из серой бумаги в пакет вместе с паспортом, а потом, аккуратно завернув, сунул все во внутренний карман куртки.

Снова ожидание в той же компании, но уже по другую сторону ворот. Машины пропускали быстро, разве что у «колуна», в котором, как оказалось, эти трое мужиков и ехали, задержались дольше — приездие. Но тоже пропустили, а следом и наш «газон».

— Залезай, на тот берег с нами доедешь, — позвал «матрос».

Я вскарабкался в кузов, покосился на свой рюкзак — не трогал его никто, похоже. Как промят моей спиной и в угол втиснут, так все и осталось.

— Так где тут ночлег найти можно?

— Я же сказал, соседка сдает. Нам разгрузиться надо, потом домой пойду, ты со мной можешь. По-знакомлю. Сашей меня зовут, если что. — Он протянул руку с якорем.

— Сергей. Будем знакомы.

Вскоре колонна тронулась снова. Опять пятиэтажки, на этот раз жилые. Из окон трубы буржук, стены закопчены, прямо у домов кучи угля. И городская жизнь уже видна, по грязным обочинам люди идут, телеги и машины едут. Почти все эти городки в средней полосе друг на друга похожи так, что и не отличишь. И жизнь везде одинаковая, ну, почти одинаковая. Вышний Волочек, что тут же, в Калининской области, он другой, такие тоже есть, но вот таких, как Торжок, все же большинство. Поездил, пришлось посмотреть. Сбиваются люди в уцелевшие места, огораживаются, принимают над собой власть, в надежде, что та их защитит и позволит выживать дальше хоть немного спокойней. И да, в основном получается. Я сам кусочек такой вот власти, пусть и отколотый уже, как щепка от бревна, поплывшая по течению куда несет.

— На Володарского едем, к самому рынку, — вдруг пояснил наш маршрут Саня. — У нас там гараж, ма-стрячим всякое. Если чё, можешь в гостиничку, у рынка есть, но там больше денег оставишь. В столовку сходи, пожуй чего-нибудь, а я подойду, и дви-нем дальше. Нормально так?

— Да нормально, — кивнул я. — Спасибо.

— Эти картошку везут, им как раз на базар. — Саша постучал по мешкам. — Дай еще папироску, а?

Я повернулся к рюкзаку, вытащил из кармана пачку папирос, протянул ему.

— Держи.

— Да я куплю, не вопрос, просто сейчас нет. Одну дай.

— Как хочешь. — Я полез за портсигаром.

Сначала где-то высадили тетку с мужем, что с нами ехали, затем и колонна начала разъезжаться в разные стороны, а бронетранспортер так и вовсе сразу за КПП в сторону свернул, тут охранять никого не надо. Только «сто тридцатый» ехал следом, в нем как раз весь товар Саши и его коллег и лежал. Там в кабине еще трое сидели. Потом мы свернули к каким-то воротам, и голос водителя «газона» скормандовал:

— Санек! И пассажир! Вылезай, мы приехали.

— Давай, выходим, нам чуть дальше.

«ЗИЛ» и вправду объехал нас, расплескав колесами широкую мутную лужу, и покатил дальше. Я выбрался, Саша поочередно подал мне рюкзак, который я сразу накинул на плечи, автомат, винтовочный чехол. Вот и все мое имущество, собственно говоря. Все, что от него осталось. Затем он и сам спрыгнул, с собой у него только рюкзачок небольшой да карабин. «Газон» сразу же фыркнул двигателем и поехал на рынок, в распахнутые дощатые ворота.

— Гля сюда, — Саша показал пальцем на двухэтажный барак из неизменного серого кирпича, на этот кирпич и похожий, — гостиничка это. А прямо за ней столовка. Там нормально, могут и налить, если чего. А как разгрузимся, так я за тобой и зайду. Лады? — протянул он руку.

— Лады, Саш, спасибо.

Луж было немного, почва тут больше песчаная, так что потопал я по обочине дальше. У входа в гостини-

цу две машины стоят — «уазик» и белая «копейка». За гостиницей потянулся полузаваленный деревянный забор, который уперся в еще один двухэтажный барак, на этот раз деревянный. И над крыльцом того обнаружилась вывеска «Столовая». Поднявшись на гулкое деревянное крыльцо, я потянул обитую дверь на тугой пружине, зашел внутрь.

Раньше это место столовой не было, но вот мебель в нем столовая точно. Стулья трубчатые с крашеными фанерными сиденьями и спинками, столешницы из покрытой пластиком ДСП с обгрызенными краями. Столов с десятков, занято сейчас только два. За одним два мужика в гражданском, но с красными повязками «Милиция» на рукавах, обедают с компотом, за другим столом поддатая компания, два мужика и женщина, у тех еще и водки бутылка стоит. Кухня отгорожена стойкой-доской, оттуда варевом пахнет, тут же есть захотелось. Но за стойкой никого.

— Покушать или так зашел? — Из двери сбоку вышел тучный немолодой мужик в белом переднике, вытирающий руки полотенцем.

— Поел бы, — улыбнулся я ему. — Чем покормишь?

— Суп куриный есть, с лапшой. Пшенка с мясом. Картошки пожарить можно, тоже с мясом. Компот сегодня сливовый, ну и просто налить могу. Ты садись давай.

Я прикинул, куда лучше сесть, выбрал угол слева от входа. В этот самый угол и имущество свое могу сложить, чтобы не мешало никому и под ногами не валялось.

— Давай тогда суп и картошку. И компот. И сто грамм налей, пожалуй.

На столе даже пепельница обнаружилась, глиняная поделка в виде утки. Как ребенок делал. Может, и вправду ребенок, кабатчика, например. Я свалил с себя тяжелый рюкзак, поставил стоймя винтовку в чехле, на рюкзак автомат пристроил. Расстегнулся, стащил с головы брезентовую панаму. Доехал куда-то. Точнее, доехал куда хотел, просто не знаю, туда ли я хотел и куда мне на самом деле нужно. Милиционеры покосились на меня, один, молодой и белобрысый, чуть дольше взгляд задержал, но вскоре потерял интерес. Я закурил в очередной раз, выпустив дым в потолок.

Да, если Саша не обманет, попутчик мой нечаянный, то я лучше комнату в частном секторе сниму. Не знаю, насколько я тут задержусь, но пока какая-то база нужна. Начинать откуда-то требуется. А дальше видно будет, я не загадываю. Может, мне и вообще на край света ехать придется, хоть и сомневаюсь. Не ездят те, кто мне нужен, так далеко. Да и вообще люди теперь далеко не ездят, вон как патрульный поразился, когда документы мои проверял. А до этого всего разве расстояние было? Да так, ерунда, а тут сколько добирался. Незачем далеко ездить, нет никакого смысла. Никому смысла нет.

Неожиданно блондин с повязкой поднялся из-за стола, подошел ко мне, остановился у стола. Одет в штормовку, сейчас половина мужиков в них ходит, под ней офицерский ремень с кобурой вижу.

— Милиция, — вроде как представился он. — Пистолет у тебя вижу. Предъяви к осмотру.

Вот оно что. Я аккуратно достал «ТТ» из оперативки, показал отсутствующий магазин, оттянул затвор, демонстрируя пустой патронник. Тот вроде разо-

чаровался немного, кивнул. «Штрафа» захотелось, похоже. Когда он было направился к своему столу, я спросил:

— Товарищ сотрудник, вопрос позволите?

— Чего? — обернулся он.

— Райотдел где находится, не подскажете?

— На Девятого января, дом три. Рядом со сберкассой, — ответил он. — А что?

— Да ничего, зайти мне к вам нужно.

— Заходи, — пожал он плечами.

Ждать пришлось недолго, кабатчик с супом пришел через пару минут, я едва затушить окурочок успел. Выставил передо мной тарелку, сняв с подноса, затем блюдце с четырьмя кусками черного хлеба, рядом расположил граненый стакан, до половины налитый, и, к удивлению моему, там же появилось блюдце с нарезанным соленым огурцом и таким же зеленым мятым помидором.

— О, спасибо, — обрадовался я.

— Картошку жарим, чуть позже будет.

— Хорошо.

Дождь так и продолжал моросить за окном. Серый бревенчатый дом напротив, серый забор. Через открытую калитку видно, как тетка в военной плащ-палатке несет дрова из поленницы, а в окне сидит рыжий кот и за ней наблюдает. По улице проехал грузовик, оставив след сизого солярного дыма. А вот зелень за серым забором прет сочная, яркая, перебивает тоскливую картину, словно старается показать, что не весь этот мир умер.

Наколов на гнутую алюминиевую вилку кусок огурца, я глотнул из стакана, поморщился от теплой водки, но проглотил, закусил. Взялся за суп, впол-

не себе съедобный. Когда покончил с ним, кабатчик принес картошку со свиной. Тоже неплохо, и пожарена на совесть, с луком, и мяса пусть и немного, но тоже хватает. К гарниру еще один мятый соленый огурец, прямо роскошь.

Я успел доестъ и не только водку, но и чай допить, когда с улицы послышался звук подъехавшей машины, и тут же в столовую вошел Саша. Он огляделся, заметив меня, по ходу поздоровался за руку с кабатчиком, потом кивнул ментам. На пьяную компанию внимания не обратил, ну а те его никак не отметили. Подсел напротив.

— Как покормили?

— Хорошо, — кивнул я. — Будешь что-нибудь?

— Нет, я уже дома покушаю. Пойдем тогда, покажу тебе все.

Я подошел к стойке, спросил:

— Сколько с меня?

— Рубль десять, — сразу ответил толстяк.

Пошарив в кармане, я выудил несколько монет на ладонь, отсчитал, отдал ему без сдачи.

— Спасибо.

— На здоровье, заходи еще.

— Зайду.

Подхватив все свои вещи, вышел следом за Сашей на улицу. Прямо у входа в столовую стоял бежевый пикапчик «Москвич». Перехватив мой вопросительный взгляд, Саша сказал:

— Садись, прокачу. Барахло в багажник кинь, брезентом накроем.

У него там и вправду нашелся рулон палаточного брезента, которым он аккуратно накрыл мое имущество. В кабине машины пахло машинным маслом

и застарелым куревом, папиросные окурки ежом торчали из перекошенной и переполненной пепельницы. Саша заодно и закурил. Затем повернул ключ, «пирожок» зафырчал и поехал.

— Широко живешь, — я постучал по панели.

— Так что за механик без машины? — удивился он. — Да есть машины в городе, просто мало кому нужны. Бензин дорогой, от легковушек пользы мало, грузовики нужны всем. Или трактора. Нужна машина — враз найду, только скажи.

— Бензин откуда у вас?

— Из торфа гонят, и бензин, и соляру. Торфа у нас тут до следующей войны точно хватит.

— От радиации не загнетесь?

— Тут чисто, даже болота чистые. Не достало, только на Калинин и упало, на выезде на Москву. Вот там да, говорят, еще и химии всякой разбросано до хрена. Чисто тут, чисто, — повторил он.

Ехали совсем недолго, минуты три, наверное. Пара старых купеческих особняков с осыпавшейся желтой штукатуркой, «немецкая» четырехэтажка, из тех, что строили пленные, пара довольно новых панелек, затем частный сектор пошел. Даже не сворачивали никуда, так на Белинского и выехали. У крашенного «половой» бурой краской дома с четырьмя окнами на улицу Саша остановился.

— Приехали, — объявил он. — Сюда нам. А я вон там живу, — он показал на дом прямо напротив, ухоженный и даже с кирпичной пристройкой. — Домов много, если бы ты остался, то тут рядом несколько есть. Почини и живи.

— А много народу в городе?

— Тысяч пятнадцать.

— Много, столица, считай, — удивился я. — А раньше жило?

— Тысяч сорок жило. На Пятый Год вымерло много. Ну и всякое. Пошли.

Он толкнул калитку, зашел во двор, я следом.

Крыльцо чуть покосилось, но дом выглядел вполне добротно. Саша постучал в дверь, за которой почти сразу послышались шаркающие шаги. Слышно было, как откинулся крючок, а затем я увидел невысокую худую женщину в бабьем платке. Рука, которой она придерживала дверь, сплошь была покрыта старыми ожоговыми струпиями, левый глаз закрывала катаракта.

— Сергеевна, здравствуй. Возьмешь постояльца?

Женщина посмотрела не меня оценивающе, затем спросила:

— Надолго?

— На недельку пока, наверное.

— По два рубля в день возьму, если на неделю, — ответила она сразу.

Сколько ей лет? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят?

— Наталья Сергеевна, побойся бога, — засмеялся Саша. — Не дорого?

— Я согласен, — прервал я попытку торга. — Комнату посмотреть можно?

— Обувь снимайте, — кивнула та, пропуская нас внутрь.

Я стащил сапоги, размотал портянки, оставшись босиком на крашеном полу. Сергеевна провела меня через дом в маленькую комнату, где я увидел железную кровать с панцирной сеткой, стол со стулом у окна и старый поцарапанный шкаф. Над кроватью коврик с оленями, на столе керосинка. На стене умы-

вальник с раковиной, под ней ведро. Под гостей комната, значит.

— Хорошо, мне нравится, — кивнул я. — За неделю заплатить?

— Давай за неделю, если можешь, — ответила она. — И заселяйся.

— Курить тут можно?

— Окно открывай и кури. Только чтобы в доме дышать можно было. И пепел на пол не тряси. По ночам не орешь? — спросила она пристрастно.

— Нет, даже не храплю. — Я полез за кошельком, выудил из него две монеты по пять рублей и две по два. — Пожалуйста, вот, — передал я ей деньги.

— Ну вот заходи и живи. Кота моего не обижай.

— А где кот?

— Гуляет Васька мой, где он еще быть может, ирод. — Она неожиданно светло улыбнулась. — Живи на здоровье, в общем. Завтра я работаю до вечера, а так через день кормить могу, если хочешь.

— Спасибо, подумаю. Не воруют у вас? По домам не лезят?

— Нет, таких давно расстреляли, — ответила она по-простому. — Тихо в городе, разве что мужики по пьяни подерутся, но им положено так. Не бойся за вещи, ничего не случится.

Хозяйка быстро застелила мне свежую постель и вышла. На огород пошла, как я через окно увидел. А сам начал вещи разбирать. Поставил в шкаф винтовку в чехле, туда же автомат пристроил. Вещи из рюкзака вытащил и на полки разложил. Пару книг, что взял с собой, на стол выложил. Пусть вроде как дом тут пока будет. Вторую пару сапог к дверям

выставлю, а тут босиком. На полу дорожка, по ней пройтись приятно. Сел на скрипнувший стул, вытянул ноги, снял очки, чуть надавившие переносицу. Сменить? У меня с собой еще одни есть, совсем целые, а на этих одна дужка на эпоксидке, не складывается уже. Нет, эти пока поношу, те в резерве останутся, последние. Пока других не найду себе, в этих ходить буду, они легче. А та оправа неудобная что-то совсем.

Плечо разнылось, надо на ночь намазать. И вот баньку бы еще найти, тут во дворе не вижу. У нас была. В городскую идти придется, наверное. Ладно, куда схожу в милицию местную, дело у меня там.

На выходе из дома столкнулся с хозяйкой, с ведром возвращавшейся с огорода.

— Наталья Сергеевна, а как мне на Девятого Января попасть отсюда?

— Да вот так и иди прямо, пока не упрешься. — Она показала рукой. — Справа сберкасса будет, слева милиция и старый собес. Не заблудишься.

— Спасибо.

— Ты ключ возьми, — засуетилась она, зашарив по карманам ватника. — А то поздно придешь, и я спать буду. Или уйду куда, если рано.

— Спасибо, — повторил я. — Не думаю, что поздно, пораньше вернусь. А баня в городе есть?

— Это на Садовую тебе надо, на тот берег. А что с Сашкой не договоришься?

— С Сашкой? — немного озадачился я.

— Ну да. У него баня своя, во дворе. Пошли, позову его. — Не дожидаясь продолжения, она решительно направилась на улицу. Во двор соседский заходить не стала, забарабанила в окно, в которое почти сразу

выглянула пухловатая круглолицая женщина с волосами, убранными в пучок. — Лид, Сашка дома?

— Позову сейчас. Здравсти, — это она уже мне кивнула.

Звать не пришлось, Саша тут же выглянул в окно.

— Сань, друга своего в баню пустишь? — Сергеевна долгих вступлений не любила. — А то он на Садовую собрался.

— Да без вопросов, заходи попозже. — Саша, похоже, даже обрадовался. — У меня и выпить найдется, и закусочка. Посидим.

Женщина чуть вздохнула, но ни слова не сказала.

— Да неудобно, я в городскую схожу, — удалось, наконец, и мне вставить слово. — Отдыхай, ты с дороги.

— Так вот и отдохнем! — Он даже руки потер. — Сколько сейчас?

— Полчетвертого, — глянул я на свою «Победу».

— К семи подгребай, самое время. Протоплю как раз.

— Спасибо, коли так.

Вот ты глянь, как я друга себе нашел, а всего-то по дороге папиросами снабжал. Но так спасибо, конечно. Надо будет тогда на базар заглянуть, купить что-нибудь, чтобы не с пустыми руками. В общем, зашагал к центру. Подумал, что надо было бы «ТТ» в комнате оставить, но привык к нему, без оружия как без штанов. Пусть хоть так, без патронов висит под курткой, три магазина в подсумке на другом боку. Не нарушаю ничего.

Дождик вроде прекращаться начал, еле срывался, да и хмурое небо светлеть начало понемногу. Навстречу дети попались, мальчик и девочка, лет по

восемь обоим, с ранцами за спиной. Из школы идут, болтают о чем-то, со мной поздоровались, ну а я с ними. Проехала телега, которой правил дядек в брезентовом пыльнике, груженная чем-то в мешках, потом меня «Нива» обогнала, чуть притормозив у лужи, чтобы не обрызгать. За рулем женщину разглядел, скуластую, крупную, с почти мужским лицом и папирсой в зубах. Почему-то сразу решил, что какое-то начальство городское.

Возле панелек народу на улице прибавилось. Компания детей разного возраста что-то у лужи делает, две бабки судачат, на углу в контейнер торф в брикетах с самосвала разгружают. Длинный пустовавший двухэтажный особняк, который я поначалу было принял за школу, оказался библиотекой для слепых, табличка так и висела у входной двери, забитой досками. Затем какое-то учреждение с проходной, воротами и гаражом, на территории несколько машин. Знакомого вида двухэтажный барак, над входом вывеска «Магазин». Что за магазин? Да бог его знает. Местные в курсе — и достаточно. Вполне ухоженный и с виду обжитой двухэтажный дом — наверняка какое-то местное начальство живет, или кто там еще. И тут же по дороге попалась пара больших особняков, но таких запущенных, что сразу ясно — их еще с революции никто не ремонтировал. Пустуют, понятное дело. Жилья и прочего в городе куда больше, чем людей, вот и не возится никто с такими.

Дальше пошла широкая улица с самым настоящим парком, даже кованые решетки ограды на месте. По левую руку старые купеческие дома, вот они явно заселены. А у некоторых еще и машины стоят, все больше «Волги». Тоже начальство или богатеи мест-

ные? А в парке дети играют, и даже женщина с коляской прогуливается, держа в руке книгу. Да, дождь совсем прошел.

У выхода на площадь среди деревьев торчал памятник Кирову, а вот уже за ним я увидел вывеску сберкассы, на ступеньках которой стояли две бабки в платках. А слева, в типичном двухэтажном особняке, как раз райотдел. Перед ним два милицейских «бобика» в раскраске, дальше два зеленых «уазика». Кирпичное крыльцо, явно позже пристроенное, козырек над ним, справа от входа стенд, еще с тех времен: «Их разыскивает милиция». И там правда несколько объявлений. Завернул, посмотрел, покачал головой. Не то. Не те.

Дверь оказалась тяжелой, обитой планкой снаружи и дерматином изнутри. В дежурке пахло какой-то дезинфекцией, вроде как в больницах. За стойкой сидел немолодой дядька в военной форме, но с милицейскими погонами на ней. Это обычно, это везде так. Милицейская сносилась давно, а военной на складах на триста лет запасено. И на рукаве повязка «дежурный».

— День добрый, — поздоровался я, подходя к стойке. — Мне бы или к начальнику вашему попасть, или в розыскной, если есть такой.

— Оперотдел у нас есть, — хмыкнул он. — А по какому вопросу?

— По розыскному, — усмехнулся я. — Из Вологодской области я приехал, ищем кое-кого, — объяснил я без подробностей.

— Начальник в отъезде, опера на месте, — вроде бы удовлетворился дежурный моим ответом. — Вон туда по коридору, вторая дверь направо. Документики ваши только дайте.

Я полез за пакетом, на этот раз вытащив из него не паспорт, а удостоверение. Нормальное, настоящее удостоверение, на котором даже нигде не написано, что его владелец на самом деле и не служит уже нигде. С именем и фотографией и печатью Грязовецкого райотдела.

— Начальник ОББ? — немного озадачился дежурный.

Вот уже и до этого дошли. Вроде официально все милиция, органы внутренних дел СССР, а по факту давно уже в местных шерифов превратились, и все бывшее однообразие в названиях кануло в Лету. Каждый по-своему свои дела ведет, каждый отделы по-своему называет.

— Бандитский отдел, — пришлось пояснить. — Которые за городской чертой действуют.

— У нас вояки этим занимаются, — пожал плечами дежурный. — Разве опера иногда с ними. Пожалуй-ста, — он вернул мне удостоверение, — проходите.

— Спасибо.

Все равно ведь хоть на КПП, но проверит, пока я в кабинете буду, по глазам вижу. Ну и правильно, служба такая.

В коридоре было темновато, но все же дверь разглядел. Постучался и вошел, не дожидаясь ответа. Без всякого удивления обнаружил в привычно казенной обстановке из сдвинутых столов и сейфа в углу тех самых ментов, что видел сегодня в столовой. Они синхронно повернули головы, блондин спросил, на этот раз перейдя на «вы»:

— Вы по какому вопросу?

Тут я сразу удостоверение предъявил, затем спросил:

— Присяду?

— Берите стул. — Второй опер, что постарше, с усами и ранней лысиной, показал на один из трех стульев у стены. — По какому к нам делу?

Из все того же пакета появилось два сложенных листка, которые я аккуратно расправил и выложил на стол.

— Вот этих ищу. Имен не знаю, наш художник рисовал. Вот это Корень, — я ткнул пальцем в портрет мужчины лет тридцати с бритой головой. — Приметы тут. Вот это Шига, — я выложил еще один портрет. Парня помоложе, с длинными волосами, выбивающимися из-под вязаной шапки-олимпийки. — С ними еще трое было, приметы неизвестны, по оперативным данным устойчивое преступное сообщество. Разыскиваются за убийства.

— Рост около ста восьмидесяти, сутулый, на пальцах татуировки-перстни, на лице множественные шрамы от прыщей... — быстро бормоча, начал читать блондин. — Так сразу не приходит ничего на ум. К нам тут близко давно никто не подходит, а в городе таких вывели, в Лихославле тоже тихо, но можно тамошний отдел запросить.

— Знаю, что уехали с колонной на Торжок из Данилова Ярославской области. Своей машины у них не было, поехали с попутным грузовиком, госномер одиннадцать — двадцать три, Казань — Астрахань — Ростов. Ваш грузовик?

— Может, и наш, глянем, все номера у нас есть. Только время займет, в городе машин четыре сотни.

— Могу сам поискать.

Блондин выдвинул ящик стола, достал оттуда журнал с наклейкой «Регистрация транспортных

средств», подвинул ко мне. Да, теперь не так, как До Того, в каждой деревне своя регистрация. Зато найти проще.

— А если с вашей машиной ехали, могли раньше сойти?

— Могли. Но водитель на КПП сообщил бы. Если день примерно знать, то можно проверить. Но если бандиты, то ехали они в Вышний. А если в Вышний, то пошли на мотовоз и туда железкой.

— Мотовоз?

— У нас железка от Старицы до Вышнего Волочка цела. Раз в три дня мотовоз ходит с вагонами. Подождали бы здесь, посидели тихо, да и уехали. Если они у нас не в розыске, то что им.

— Машину нанять не могли?

— Без колонны? Сомневаюсь, туда никто не поедет. — Блондин почесал в затылке. — Железкой проще.

— Купить машину могли разве что, — добавил лысоватый. — Легковушек на продажу много, они дешевые. Только зачем?

— Машина у них была, «шишига», но у Грязовца осталась, спугнули их от нее. Грузовик забрали.

— Грузовик тут не купить, самим нужны.

— Могли и легковушку взять, в Вышнем их много, понтуются, — возразил блондин. — Так себе вероятность, но исключать нельзя. Иногда оттуда к нам специально за машинами приезжают.

— А где торгуют?

— Да на Энгельса, в военном городке, почти у платформы.

— Если я там похожу и вопросы позадаю — не удивятся?

— Удостоверение предъявляйте. Если кто борзеть начнет — дайте знать, сами подскочим.

Вместе походить не предложили, но хоть не уперлись, и на том спасибо. Сам потопчусь по городу.

— А ствол можете с патронами носить, — вдруг неожиданно добавил блондин. — Коллега все же. Дайте ваш временный. — И когда я передал ему квиточек временного пропуска, он вписал туда «с правом ношения оружия» и расписался «ст.о.у. Иванов С.М.» — У дежурного печатку тисните. Так проще будет. Хотя у нас тут тихо, — повторил он за остальными.

— Вывели громких?

— И вывели, и сами в Волочек съехали.

— А в окрестных городах ваша власть?

— Осташков, Лихославль, Старица, Селижарово, Кувшиново, села вокруг, где люди есть, на восток до Святова озера — наше, да, наш район. Но не поедут они туда, точно говорю, смысла нет.

— Да я так, представление составляю. А в Ржеве что?

— А в Ржеве военного много было, прилетело туда, — ответил лысоватый, вздохнув. — Воздушный. Не сильно большой, но город все.

— Не светится?

— Нет. Пара пятен есть до сих пор, но они там обозначены. Так даже счетчик почти не трещит. Болгое тоже снесли, по узлу железнодорожному били, похоже. Там тоже все.

Я посмотрел на висящую на стене карту области, разрисованную пятнами разного цвета.

— А в Вышнем чисто, выходит?

— Ну да, как бы они там жили. За Калинином начинается в сторону Москвы совсем беда, лучше не соваться, а от Медного в эту сторону вполне жить можно.

— Понял, спасибо.

— Журнал тут посмотрите или куда поспокойней вас отсадить?

— Могу здесь. Не мешаю?

— Да нет, еще и чаю дадим. Дим, за кипяточком сходишь? — спросил он у блондина.

— Твоя очередь вообще-то, — вздохнул тот. — Принесу сейчас.

Номер машины я нашел быстро. «ЗИЛ-130», бортовой, частный, владелец Бутин Михаил Аркадьевич, домашний адрес — улица Пролетарская, 62. Переписал в блокнот, а блондин, который Иванов Эс Эм, объявления о розыске на подоконнике перефотографировал. Сказал, что себе в ориентировки добавят. На этом, воткнув магазин в «ТТ», я пошел к дежурному, тот хлопнул на пропуск толкушку, и затем я вышел на улицу.

Конец рабочего дня, вон народ по домам идет, нет смысла сегодня свидетелей обходить. Поэтому подумал и направился на рынок, до него тут совсем рукой подать.

Рабочий день точно заканчивался, потому что на базарчике людно было. А так базар как базар, торговые ряды с навесами, сзади несколько маленьких магазинчиков и мастерских. Что до Этого Самого так все было, что так и после осталось. Покрутился, приценился к связке воблы, потому спросил у продавца:

— А пиво-то к вобле есть?

— Вон там возьми, — он показал на магазинчик «Продукты». — Только банку или канистру надо, у них в разлив только.

А верно, вон два мужика идут, у каждого в руке по трехлитровке с янтарно-красноватой жидкостью.

— А где купить можно?

— Там же и купишь.

Ответ немного поразил, но я решил не реагировать.

— Тогда дай связочку. — Я вытащил из кармана брезентовую авоську, развернул.

— Рублик с тебя.

— Не грехи, полтинник цена самая высокая, — не повелся я.

— Да ты глянь, что за рыба!

— Рыба как рыба, больше полтинника не дам. Пересушена к тому же.

— Ладно, уговорил, — вздохнул мужик, опознавший во мне приезжего и решивший поправить дела за мой счет. — Пересушена она ему.

Закинув рыбу в сумку, направился в магазин. То, что там торговали пивом, по запаху чувствовалось. Но с виду пиво вроде ничего было. На бочке, из которой разливали, имелась надпись белилами «Пиво ржаное». Ну да, а каким еще ему тут быть? А так магазин как магазин. Колбаса какая-то, мясо на прилавке, домашний сыр, что-то еще. Соленья в бочках, ими тоже пахнет, даже не знаешь, чем сильнее, ими или пивом. На полке водка и еще что-то в пивных бутылках с сургучом, папиросы и табак в пачках.

— Баночка найдется? — спросил я у грузной тетки в грязноватом белом халате, как раз закончившей отрезать кило колбасы девчонке-подростку.

— Банка рубль, — тетка посмотрела на меня выжидающе.

— А закрыть будет чем?

— Крышка тридцать копеек.

— Ну вот налейте мне банку под крышку как раз. — Я ей улыбнулся, но тетка оставалась мрачной.

Впрочем, пива она налила, дала отстояться и еще долила. Требуйте долива после отстоя пены, все правильно. Вытащила из какой-то коробки пожелтевшую полиэтиленовую крышку, положила рядом, предоставив возможность запечатать банку самостоятельно. Банка пошла в ту же сумку. Рыба бы не намочила вот так рядом лежать.

— И папирос пять пачек дайте, пожалуйста. Еще полбуханки хлеба и колбасы копченой колечко. И вареной грамм двести.

Она так же молча выложила папиросы, отрезала хлеб, кинула колбасу, ту и другую, потом, к удивлению моему, завернула все в толстую бумагу, пощелкала костяшками на счетах и сказала:

— Шесть восемьдесят.

— Пожалуйста, — вложил пятирублевку и досыпал мелочи.

Хоть не с пустыми руками теперь. Подумав, достал банку из сумки и решил нести в руках. Тут недалеко и недолго, ничего с ней не сделается. Потом прошелся по рядам, хотел купить уже там соленых огурцов, да сложить не во что, потекут. За покупками люди со своей тарой ходят, у кого какая есть. Тут хоть в магазинах бумага была, а так ведь все, бумага в дефиците. Если и есть какая газета местная, так ее никто не выбрасывает, идет на растопку да в уборную. Заворачивать в нее что-то — уже роскошь. Историю слышал,

как с какого-то склада туалетной бумаги вывезли несколько машин. И не проверили, а та пыли набрала, светится. Вот и наподтиралась ей люди на свою голову. Не голову, если точнее. А вот тут гля, заворачивают. Роскошь, цивилизация. Надо было еще листочек попросить, для воблы, тогда и банку тащить в руках не нужно бы.

До бани долго еще, но все равно к дому пойду. Там посижу, расслаблюсь. В последний момент, спохватившись, вернулся в магазин и «чебурашку» водки купил. Пусть будет. Мне она нужна иногда. А про бумагу опять забыл.

Все же что-то с плечом делать нужно. Пока шел, банку с руки на руку перекидывал, так вот в левой и минуту нести трудно. И не только плечо, вся рука болит. Плохо это, некстати. Хотя удивляться чему? Пятьдесят два. Даже раньше возрастом уже считалось, а вот теперь, после всего и при такой жизни... Надо физкультуру какую-нибудь попробовать, может быть, разработается или что. А то как вообще откажет? У меня еще дел много, а насколько они затянутся...

Сергеевны дома не было, ушла куда-то. Зато на поленнице сидел полосатый кот с таким видом, будто он во всем городе главный. Здоровый кот, прямо зверюга.

— Чего уставился? — спросил я, отпирая замок. — Живу я здесь теперь. Соседи будем.

Ваське, если это именно он, было все равно, похоже. Солидный, важный, небось или мышей наловил, или соседским котам навалял.

— Сейчас выйду к тебе, Василий, дело есть, — сказал я ему.

Стянув сапоги ногами, сбросил их за дверь, прошел в комнату. Банку сразу на стол, пусть стоит, водку же в шкаф убрал, туда же папиросы. Колбасу с хлебом не знаю куда... на кухню? Ладно, потом Сергеевна скажет, пока в сумке все полежит. Открыл окошко, придвинул стул. Пепельницы нет, куда трести-то? А, нет, ты глянь, на умывальнике стоит, причем именно пепельница, да еще и хрустальная, из дорогих. Не было, когда уходил, хозяйка позаботилась, дай бог ей здоровья.

Так, сперва дело. Развернул колбасу вареную, отрезал ножом толстый кружок, порубил его на кубики. Потом вынес все во двор и коту под нос сунул. Тот не отказался, тут же трескать взялся так, что за ушами затрещало. А я обратно вернулся, чтобы не мешать.

Сел к окну, закурил. Не курил ведь до Этого Самого, и потом несколько лет держался, здоровье берег, а дальше... оно как бы и не до здоровья стало, что ли. Может, сейчас бросить? По утрам кашляю, ни к черту не годится, а вот сейчас здоровье нужно как раз, дело у меня. Нет, не смогу.

Взял книгу, раскрыл на заложенной странице. Вроде и все время читаю, и никак не могу отделаться от странного ощущения — как будто сказки все, что в книгах написано. Про другую жизнь, которой нет и никогда не будет. У меня вот мемуары военные в руках, так и войн таких не будет больше. То, что случилось с нами, и войной не назовешь, в один день все закончилось, или началось, тут каждый по-своему считает. Но воевать стало некому и не с кем. Нет, народ после Этого Самого озверел и одичал, смерть не то что обыденностью стала, а чем-то таким, без чего и жизни нет. И люди теперь поделились на людей, не

очень людей и вовсе нелюдей, потому что выжили все по-разному. Кто по совести, а кто и людоедом натуральным. И нет такой сильной власти, чтобы могла всех в узде держать.

Власть вроде и есть, от нее вот у меня деньги в кармане, но только не видно ее особо на самом деле. Городами люди живут, районами, каждый сам по себе. Нет у власти сил, чтобы всех к единому знаменателю привести. Страна велика, пути длинные, силы малые. Без власти бы Пятый Год и вовсе мало кто пережил, она спасла, открыв хранилища Госрезерва, а кому-то и мобсклады, но дальше-то что? Сказали спасибо ей, но нет у власти возможности такую территорию под контролем держать. Так, радиogramмы идут, кто-то какие-то планы спускать пытается, им даже в ответ поставки из районов, вроде как в счет плана какого-то, да и все. В обратную сторону кормим теперь, получается. Ну, еще колонны Центроснаба ходят, перекидывают разное нужное из тех мест, где это делают, в те места, где не хватает. В нормальных городах власти и рады были бы, да нечем ей себя проявлять. Может, координируют людей как-то. Тут нацелят хоть какую-то медицину производить, без нее и вовсе беда была бы, от эпидемий бы передохли, тут еще что-то, но... понятно все, в общем. Вроде Деда Мороза, который раз в год с подарком заглянет.

Поначалу власть центральная заметней была. Видели их везде и часто. Но потом... потом все в упадок пришло, и они тоже. Ресурсы техники, запасы топлива, не поездишь уже так на бэтээрах по областям, броня долго не бегаёт, капиталки хочет. А как все это у них закончилось, так и сил особых не стало. Жи-

вут где-то сами своими районами, а в чужие не очень и суются. Хотя им даже рады, это как символ теперь, знак того, что мы еще вместе.

Ведь те люди, что к нормальной жизни стремились, пытались создавать хотя бы иллюзию существования в едином обществе. Пусть большинство из них и за десять верст от своего городишки не отъезжало никогда, но все же осознавать, что ты часть чего-то большого... для них это важно. Поэтому у районных «войск» или ополчений оставались военные уставы, милиция пыталась тоже прикидываться «органами», а не шерифами, и так далее. Но в реальности районы соединялись разве что торговыми путями, потому что именно без торговли, как очень быстро выяснилось, жить не получится. Даже табак вот в этой папиресе, что я сейчас курю, привозной с юга. По Волге ехал баржой или чем там, от самой Астрахани вроде. И вот торговцы, которых уже начали величать купцами, и стали и главной связью, и новыми богатыми. Власти не могли и не умели организовать все сами, а кто оборотистый был, тот сумел. Приволок грузовик или теплоходик где-то нашел, прикинул, чего где не хватает, и рискнул, и повез, и вот он уже в этом Торжке купеческий особнячок освоил, но зато в город и табак привезли, и фрукты, и запчасти оттуда, где они есть, и все остальное.

Легковушки тут дешевые, говорят. Они и у нас дешевые были. Вот «уазик» свой дорого продал, чтобы на дело мое деньги были, и вообще все, что у меня было, продал, потому как не держит больше ничего меня на месте, а надо мне ехать, и не знаю, как далеко, но вот можно мне привязанным к железке и колоннам быть? Посмотреть хотя бы нужно.

Стащил с себя пояс с тайными кошельками, открыл, просмотрел пачки купюр. Больше трех тысяч есть у меня, вроде и много, но только на первый взгляд. Тут отдашь, там оставишь, и текут, текут деньги. Вытащил пятерку, посмотрел. Почти как в старые времена, даже картинка та же, но другая все же, не перепутаешь. Не синенькая, а красная. Помню, долго мучился вопросом о том, где же такие качественные деньги печатают, а потом рассказал заезжий человек из «центральной власти» о том, что деньги были напечатаны заранее, на всякий случай. Даже об этом думали до того, как все случилось. Понимали, что как разнесет все в щепки, многие доберутся до всяких мест, где деньги до потолка навалены. Только думали о многом, а результат... да вот он, результат, вокруг меня. Ну хоть деньги сделали такие, что и не подделаешь. Ну и да, за Пятый Год спасибо, выжили.

Спохватившись, собрал к бане свежее белье и два полотенца. Из старых полотенца, китайские махровые, набрел один знакомец на целый магазин, поделился. Даже не потрепанные совсем, теперь это тоже дефицит. С тканями плохо, со всем плохо, если честно. Гигантские вещевые склады военных, разбросанные по всей стране, только и спасают. По ним не били, нет в этом никакого смысла, вот и уцелели в большинстве своем. Все армейское имущество уцелело почти что, потому как войны и не было, был просто конец света. Били по командным пунктам друг друга, били по военным базам и пусковым установкам, били по союзникам врага, добились того, что мир если и не в труху, то на карачках еле ползает, а вот склады все остались. Не дошли до них руки, да и на кой черт они кому нужны. У нас вон люди съездили проверить

арсенал ГРАУ, вдруг уцелел, а он и правда целый, потому что рядом никаких стратегических объектов. И нашли там только пулеметов больше десяти тысяч. Не новых, с ремонта, мобрезерв, но сама цифра... Из другого склада патроны вывозили несколько дней грузовиками, а патронов там всяких... еще с Великой Отечественной лежат. И «ТТ» мой оттуда же, он вообще тридцать четвертого года выпуска, и патронов к нему там хранилось невероятно много.

В соседскую калитку зашел ровно в семь, с узелком со свежим бельем, банкой пива и связкой воблы в руках. Саша, одетый сейчас только в старые солдатские бриджи и майку, стоял на пороге бани.

— Пришел? Проходи, — махнул он рукой. — Ты гля, и пивка взял. А у меня водочка. Одно с другим... да ладно, все полезно, что в рот полезло.

В предбаннике пахло запаренным веником. Я сложил добро на стол и лавку, приготовил полотенца, а у Саши еще и простыни нашлись, вообще роскошь. Баньку самую просторной назвать было сложно, но нам места хватало, и пар она держала хорошо. Саня же обнаружил на себе еще немало татуировок, тоже сплошь морской тематики.

— По молодости, дурак был. На Балтике служил, вот и набил партаков, — объяснил он со смехом. — А бляху с якорем так и посеючас ношу.

— Это тебе на Балтике прилетело? — Я показал на явный след сквозного пулевого на правом боку.

— Не, это уже потом, семь лет назад. На колонну напали. Так отбились, но меня уже еле живым привезли. Я тогда в Кувшиново жил, родом оттуда.

— А как сюда перебрался?

— Женился сюда, к жене переехал. А потом с мужиками гараж открыл, вроде как деньги появились. Живу, нормально все. Я и в Кувшиново в гараже работал, на бумажной фабрике.

— Это отсюда бумага здесь?

— Оттуда. Там фабрика старая, оборудование от царя-батюшки еще, вот и работает до сих пор. Из торфа. Тут у нас все из торфа. Торфом топим, из торфа бензин, из торфа бумага, только жрать его еще не начали. Я все, упарился, пошли по чуть-чуть примем.

— И то, — согласился я. Пару поддали неслабо, потом еще зайдем.

На столе стояла уже открытая «чебурашка», в алюминиевой миске навалом соленья, хорошо, что покупать не стал, хлеб порезан и кралька колбасы копченой, пахнущей чесноком. Саша быстро разлил по половине стопки, придвинул одну ко мне, сказал:

— Ну давай, за знакомство.

Я взял очки со стола, надел. Затем чокнулись, выпили, захрустели огурчиками. Саша быстро разрезал колбасу на толстые куски, положил пару на хлеб, откусил, кивнул:

— Ты угощайся. Заодно и ужин.

— Спасибо, — не стал ломаться я. — Расскажи про Вышний. Что там у вас за дела творятся?

— Они сами по себе просто. На районную власть болт поклади. Но мы к ним не лезем, ну и они... хотя как сказать. Там бандитов много, есть вообще беспредельные. По воровским понятиям город живет.

— И до войны не дошло?

— Тут видишь какое дело... — Он пригладил мокрые волосы. — Так они где живут — не гадят. Только если совсем беспредельщики. Но с такими их стар-

шие тоже разбираются. Если и ходят грабить, то далеко. А так город как город, торгуем, даже железка к ним идет. От нас торф берут, бензин, от них лес, рыба. Вобла вот точно от них, — он пихнул пальцем связку. — Они ее там вообще разводят, в Тверце много не наловишь. Доска оттуда идет, там лесопилки две работают. Много что.

— А что говорят, что туда поодиночке никто не ездит?

— Это на машине если, отнять могут. Я точно не поеду. «Зеленые» все больше вокруг по деревням живут, чтобы не нарываться, так вот на них самих и нарвешься. Лес большой, и не найдут. А машина уйдет и с концами.

— А поездом?

— Поезд прямо дотуда, там спокойно более или менее. Народ отсюда ездит, ничего.

— А что за «зеленые»?

— Да погнали так самых диких, кто в деревнях прячется. Не знаю, откуда пришло. С революции еще, говорят. Давай еще? Между первой и второй перерывчик небольшой, сам понимаешь.

— Ну давай.

Наливал он понемногу, не напиток, а растянуть бутылку хотел, так что не страшно. Опять подняли, чокнулись.

— Ты говорил, что тут легковушки дешевые. Почему будут?

— Да что почем. Натащили их много, целая стоянка. Со всего района вывозили, даже из Калинина. Грузовики берут, но как удержишься? Легковушку на жесткую сцепку и сюда. И вот те результат: грузовики в дефиците, а легковые стоят. Машина нужна, что ли?

— Да взял бы что-то, если совсем недорого.

— Тебе где кататься? Ну, я в смысле — по городу или как?

— «Или как» хотелось бы.

Вот прямо сейчас у меня подозрение возникло на то, что те, кто мне нужен, как раз «зеленые» и есть. Пешком по таким делам не находишься. Я знаю, я за такими десять лет гонялся, сперва опером, затем начальником.

— А ты откуда сам? — спросил Саша.

— Калининский я, что интересно. Военный. Служил в Теплом Стане, в мотострелковой бригаде, перевели из Афгана за год до Этого Самого. Когда шарахнуло, были в отпуске с семьей, у родителей жены, за Рязанью. Никуда не успел, да и вызвать тоже не успели. Хотели сперва в Калинин, но ни через Москву, ни мимо нее никак. И Рязань снесли. Поехали вокруг, да не доехали, в Вологодской сослуживца встретил неожиданно, тот из Грязовца. Вот он к себе и затащил, там осели. В Калинин смысла не было, все одно нежилой.

— На Калинин две упали. Наземный был на пятьсот тринадцатом и воздушный над Мигалово, над аэродромом рванул. — Саша чуть помолчал. — Мы ездили туда, вывезли очень много. Карабин мой как раз из Мигалово. А так вымер город. Кто разбежался, а так погибли больше. Туда и сейчас заезжать страшно. И за Волгу лучше не лезть, хоть новый мост цел остался, там и радиация до сих пор, и химия местами какая-то, говорят. А у Мигалово чисто почти везде. Семья жива?

— Нет, погибли. Все погибли.

Я подробности рассказывать не стал, а он спрашивать постеснялся, хоть и понял, что пережили они

удар. И хорошо, что постеснялся, спасибо. Не хочу я об этом ни с кем.

— А что-то для проселков найти можно все же?

— Можно. Знаю одну. Но за нее заломят штуки полторы, не меньше. Хочешь, покажу завтра.

Три у меня есть. Половину за машину? А с другой стороны, что мне с этих денег? Проживу как-нибудь.

— Что за машина хоть?

— «Луазик», — он усмехнулся. — Зверь машина. Не вру, серьезно, народ не втыкает просто. И жрет немного, это тебе не «козел». Движок запоровский, подвеска железная.

— Ломаются там движки, я слышал.

— И на коленке чинятся. И запасные есть у нас, снимали. Так «запоры» вообще не берут. Кому понтоваться, то смеяться будут, кому для дела, так на фиг не нужен. А этот ездил мало, побегает пока.

— Ну, покажи завтра. Попарюсь еще, с веничком.

— Давай. А я тебя тогда подниму, как на работу соберусь, в восемь. Годится?

— У меня будильник есть, встану. Ты библики просто.

— А у меня бибика сломана, — засмеялся он. — Свистну.

Напарился, опьянел малость, потому что мы и водку выпили, и пиво до капли. Пошел к себе в чистом. Вечер прохладный, но после баньки хорошо даже, приятно. Я на крыльцо вышел, а ко мне Васька подсел.

— Не куришь? — спросил я его. — Ну и правильно, здоровье дороже. А я покурю, — и полез за портсигаром.

Тихо вокруг, только собаки где-то брешут. Небо уже в закат раскрасилось, тучи разошлись, дождем не

пахнет даже. И ветра нет почти. Так вот смотришь, и кажется, что вроде как даже нормальная жизнь кругом, и не было ничего, а все приснилось. И теперь ты проснулся, и дальше все будет хорошо. А про то, что ничего нормального не будет, думать не хочется.

— Это тебе, Василий, хорошо, — сказал я коту, выпустив дым в небо. — Как были тут все дворы твои, так и дальше будут. Статус-кво. Ладно, пойду я спать, что ли.

Хозяйка уже точно спит, в ее комнатку дверь закрыта, да и тихо в доме все время. Прошел к себе, закрылся. Подумав, достал бутылку водки, сдернул пробку, и просто приложился к горлышку на несколько глотков. Отломил от так и лежащей на столе колбасы кусок, зажевал. Может, так уснуть получится. Потому что как лягу, так все сразу и вспоминается. И как днем ни пытаешься жить, а к ночи все кошмары возвращаются. Не сны, настоящие кошмары, реальные.

2

Маленький походный будильник разбудил меня в восемь. Не открыв еще глаз, нащупал очки на полу у кровати, надел, потом оттуда же взял ковшик с водой, что с вечера приготовил, приложился, чуть не весь выпив разом. Поднялся, надел офицерские галифе, пошлепал на кухню горячей воды попросить. Сергеевны дома не оказалось уже, но к радости своей я на плите нашел кастрюлю если не с кипятком, то с еще вполне теплой водой. Набрал в тот же ковшик, вернулся к себе в комнату, достал из шкафа коробку с зубным порошком, щетку, мыло с помазком

и бритву. Намылил физиономию, глядя в маленькое помутненное зеркало, попробовал бритву. Можно еще бриться, хоть и дерет уже, но лезвий мало в запасе осталось, так что лучше потерпеть. Черт бы побрал эту «Неву», тупится почти сразу. Машинки вот я видел для заточки безопасных бритв, хвалит народ, но редкость. Найти бы такую.

После бритья одеколоном побрызгался, «Шипром», тем еще, со старых времен. Кожу защипало, но как-то легче стало, а то после такого бритья вся она огнем горит. Постричься надо бы, поищу парикмахерскую.

Когда Саша свистнул за воротами, я был уже одет и готов. И даже Ваське вареную колбасу дорезал и честно отдал. Едва я сел, «пирожок» тронулся с места.

— Поехали, сразу покажу машину, посмотришь.

— К платформе?

— Не, она в другом месте. Мужик из мародерской бригады, он ее себе взял, да поранился до гангрены, правую ногу отняли, водить теперь не сможет. Как раз продать решил, а тут ты. Так бы хрена она застоялась, забрали бы уже. На Демьяна Бедного поедем.

А, теперь понятней становится. Так я тоже удивился, что машина для бездорожья задержаться могла. Там, в Грязовце, такая же картина, легковушек вокруг много, да не нужны. Свой «уазик» я сам в рейде нашел, в гараже заброшенном, так потом и ездил, и то начальство несколько раз намекало, чтобы я его городу продал, но я упирался. Ссылался на то, что я на нем только по службе и гоняю на самом деле. Но бензин с города брал исправно.

— Не продал он ее еще?

— Не должен. Посмотрим.

Саша провез меня уже знакомой дорогой, но рядом с райотделом свернул правей. Проехали длинное старинное здание торговых рядов с вывеской «Универсам центральный», следом второе, уже двухэтажное, но закрытое.

— Универсам работает, что ли?

— Ага, мародеры снабжают. Там все подряд. Если мелочь какая нужна, то тебе туда.

— А оружейный есть?

— Есть, конечно, где его нет. Рядом с райотделом.

— А я не видел, был там рядом вчера, — удивился я.

— Дом, где сберкасса, другой подъезд.

— Не обратил внимания, спасибо.

Оружия много, куда больше, чем людей осталось, наверное. В нормальных городах им власть торгует обычно, все в бюджет идет. Как в том же Вышнем Волочке — даже не знаю.

— А что нужно?

— Патроны, может быть. Как с этим?

— Есть. И заводские, и передел. Передел дешевле, конечно, но сам понимаешь.

Патроны у меня есть, но не то чтобы очень много с собой. Все в одном рюкзаке тащу, сколько там унесешь на три-то ствола. Полезно знать.

Дорога обогнула бюст Пушкина на постаменте, вывела на мост через Тверцу. Там покрытие вообще кошмарным было, ям куда больше, чем асфальта. Да это и понятно, на мосту еще и вибрация, и снизу он промерзает. Теперь любой мост — чистый кошмар, и радуешься, что вообще на месте стоит. На том берегу показался ряд особняков, обшарпанных и гряз-